

И.Ю. Кобзев

**В ПОИСКАХ СОБСТВЕННОГО ВРЕМЕНИ
(Мыслительный автопортрет)**

1

Тихо... Так тихо бывает только в имении и зимой, когда снег гасит все звуки, которых здесь и так немного. А еще стены метровой толщины... Тихо и тепло в спальнике. А воздух в комнате остыл за ночь, градусов восемнадцать, не больше. Но встать и затопить камин не хочется. Не хочется шевелиться и начинать новый день. А он уже начался бледным светом сквозь занавески на окнах. Этот свет только обозначил окна, но еще не потревожил ночную тьму в комнате. Мой взгляд скользит по привычным предметам, окружающего меня мира, скорее угадывая их, чем узнавая. Это мой мир, мое пространство и мое время. А что такое мое время? Мне вспомнилось из далекой университетской физики «собственные функции» и «собственное время». Что это такое? Помнится смутно. Но постепенно в моем воображении образовалось нечто, что получило право называться «пониманием». Я вспомнил, что собственная функция среды это та форма, которая наиболее устойчива в этой среде и которая легче всего в ней образуется. А собственное время превращает любую механическую систему в инерциальную, то есть движущуюся с постоянной скоростью, а может быть и покоящуюся. Вот это мне особенно понравилось: «Именно покоящаяся, то есть в собственном времени нет движения, нет суеты... то есть в собственном времени приоткрывается дверь в вечность. И тогда что? – И тогда как у Пушкина:

«И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идет незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просят к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.»

«Знакомцы давние» и они же «плоды мечты». То есть фантазия неотличима от воспоминаний. Как у Платона – познание мира есть воспоминание души о мире идей... о мире собственных функций! То есть творчество – это воспоминание юнговских архетипов, хранимых в подсознании. Творчество – это извлечение оттуда вечного мифа, переодеваемого на пути в сознание в исторические одежды. Вот и Пушкин извлек из бездны своего бессознательного вечный миф о Плуте и одел его в одежды семнадцатого века. И увидел что «это хорошо есть весьма» и воскликнул: «Ай да Пушкин, ай да сукин сын!» Да, да именно так: это не Пушкин воскликнул, это Бог воскликнул, узнав в создании поэта восьмой день творения, то есть узнав свою работу. Вот что такое собственное время, вот что такое дверь в вечность – это дверь в творчество, в котором человек уподобляется наконец своему Прототипу».

Ночной мрак уже давно рассеялся. Предметы обрели свои законные очертания. Но «в сладкой тишине» мое воображение не следит за моим взглядом, но блуждает где-то далеко. Я думаю: «Вся жизнь человеческая протекает в «несобственном» времени. Это время хайдеггеровской Заботы. А я бы сказал Страха – это страх не успеть, пропустить, опоздать, не суметь, потерять и так далее. Чужое время ощущается как страх, как опасность. «Ад – это чужие», - сказал Сартр. А может быть, это не просто метафора, но точный образ зла? Августин говорил, что зло не существует, как существует добро, что зло - это то, что с чем-то не согласуется. Вот как например, квазичастица в кристалле: она похожа на частицу, но на самом деле это просто дефект кристаллической решетки – она существует в «чужом» времени этой решетки. Квазичастица «питается» этим чужим временем, вторгаясь в «собственное время» реальных частиц кристалла. Таким же образом существуют и бесы, которых «нет». Точнее у них нет «собственного времени», поэтому они лишены способности к творчеству, но зато они могут увлекать собой чужое время, делая его как бы «своим». В этом состоит суть соблазна. Человеческая жизнь под знаком Заботы или Страха – это и есть жизнь в таком соблазне. Это жизнь, в которой нет счастья. Вот! Вот и ответ на незаданный, но мучающий каждого вопрос: «Как возможно счастье? И возможно ли оно в этом мире?» - Возможно. Счастье – это существование в собственном времени. А как этого достичь? – Избегать соблазнов чужого времени. И это тоже понимал Пушкин:

«На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег.»

Это же и есть «обитель собственного времени», в которой Бог так близко, что порой и не можешь отделить себя от Него, и все вокруг «добро зело есть». Это и есть Рай, который мы обыденно называем «счастьем»...

2

... Тихо потрескивают дрова в камине. Языки пламени лижут и обсасывают черные кости поленьев. Поток ровного тепла убаюкивает и стирает из памяти все, что происходило со мной за эту неделю. Как не бывало этих пяти дней. Это потому, что они целиком заполнены «чужим» временем, и вот теперь стеклянная дверца камина открывает вход в «собственное» время, которое видимо дожидалось меня здесь все эти дни. Жизнь в городе неизбежно обращается в непрерывную коммуникацию с «чужой» жизнью. Простые социальные контакты все время навязывают сознанию «чужое» время. Вежливость – это и есть подстраивание к чужому времени. Приличный, воспитанный человек целиком существует в этом чужом времени. А вне его впадает в тоску и скуку, потому что ничего не знает о «собственном» времени. Я – неприличный человек, я страдаю от чувства «чужого локтя», который все время ощущаю в своих боках. Я не люблю социального общения, быть может именно потому что знаю о «собственном времени». Подобно гоголевскому Хоме Бруту я безуспешно пытаюсь провести вокруг себя меловой круг, чтобы вся чужая «нечисть» осталась за его границей, но всегда находится какой-нибудь «вий», который одним словом легко вламывается в мой внутренний мир, подчиняя его течению чуждого мне времени. Прав Сартр – ад это чужие.

Тогда рай – это существование в собственном времени. Здесь все свои... Если «здесь» кто-нибудь еще остался. Жизнь тщательно просеивает человеческие связи на их принадлежность к «собственному» времени и безжалостно обрывает те из них, которые оказываются «чужими». Поэтому старость – время одиночества. Или одиночества вдвоем, что является редкостью и высшей наградой в жизни. Почему это так? Наверное потому, что собственное время образуется именно через любовь. Как говорил о любви князь Андрей у Толстого: «Весь мир разделен для меня на две половины: одна - она и там все счастье надежды, свет; другая половина - все, где ее нет, там все уныние и темнота.» И это так же верно для любви ко всему иному, но именно и только для любви, – это и любовь к родине, к родителям, к друзьям, к истине. Блаженный Августин писал, что человек так любит истину, что все, что он любит, почитает за истину. Да, вот тут видимо и кроется ответ на пока еще не заданный вопрос. Наше собственное время образовано «счастливыми моментами любви» и включает в себя тех, с кем мы разделили эти моменты. Как известно «счастливые часов не наблюдают», поэтому в «собственном времени» нет времени – это присутствие вечности в нашем бытии. Вот почему это рай.

И вот это ощущение вечности и истины делают человека бесстрашным в его мышлении. Лучше сказать – именно они делают возможным человеческое мышление. Потому что то, что производит человеческий мозг в его социальном существовании, это никак не мышление. Это непрерывная коммуникация – получение и передача информации, которая практически не задевает мыслительные процессы и поэтому не изменяется существенно при ее передаче. Может быть только искажается немного – это такой своеобразный «испорченный телефон». И вот когда информация циркулирует по этой сети человеческих коммуникаций, она изменяется до неузнаваемости и становится новой мыслью, возникшей совершенно анонимно. Она называется сплетней. А порождающий ее «человек» - это и есть «мозг», в котором отдельные люди выполняют роль отдельных нейронов. Только этот «мозг» примитивен, как мозг какого-нибудь моллюска. Сейчас этот мозг обитает в социальных сетях, он становится автором «мыслей» о флешмобах и цветных революциях. Люди легко управляются этим мозгом, потому что сами своим мозгом пользоваться не могут – мозг человека не может работать в «чужом» времени межчеловеческих коммуникаций.

Сплетни – это главное содержание жизни в «чужом» времени. Сплетни составляют главное содержание политики, кино и литературы. Человек так привык следить за событиями чужой жизни, что не готов признать произведением искусства текст, в котором нет событий жизни, но есть только события мысли. А ведь они и составляют суть процесса жизни в «собственном» времени. И это единственная «новость, которая всегда нова», как говорил Пастернак. Это та человеческая жизнь, которая оправдывает его существование перед Вселенной и Богом. В этой бессобытийной жизни рождаются математические миры Хоукинга и Пенроуза, романы Достоевского и Толстого, фильмы Тарковского и Феллини. Я думаю, что и интерес читателей к биографической литературе в последнее время это признак того, что люди интуитивно хотят понять существование в «собственном» времени, в котором протекает жизнь героев этой литературы. Все-таки мозг человека хочет быть именно мозгом, а не нейроном метачеловеческого коннекта...

Мое место справа от водителя. Я как Набоков не вожу машину – рулит жена, а я наблюдаю «закон, приводящий пейзажи в движение», как пел когда-то БГ. Этот «закон» и называется «собственным временем». В этом времени я сливаюсь со своей «собственной функцией», которую образуют мои мысли, протекающие через меня «без напряжения, без напряжения...» Это снова БГ из моей молодости... Вот чем молодость отличается от зрелости и тем более от старости: в молодости «чужое время» легко становится «собственным временем». Чужое превращается в собственное, когда оно приобретает свойства ритуала. Все дети заставляют бесконечно читать им одну и ту же сказку и могут десятки раз смотреть один и тот же фильм. У ритуала нет другого смысла кроме его повторения. Но повторяясь, он становится частью жизни, а значит и частью собственного времени. Из таких частей оно и собирается в конструкцию, которая составляет «пейзаж души» человека. И завершается этот процесс в основном к тридцати трем годам. Позже чужое редко и неохотно включается в этот «пейзаж». С этого времени начинается распад дружб, приятельств и тусовок – все, что было «не вполне своим» превращается в совершенно «чужое» и чуждое. А действительно свое одевается оболочкой, мембраной, с возрастом все более непроницаемой, вроде сферы Шварцшильда вокруг черной дыры. Внутри этой сферы и существует «собственное время» человека, которое для «собственной функции» души оказывается безвременьем, «личной вечностью». В этом времени человеку всегда тридцать три года – главное, не смотреться в зеркало, чтобы не испугаться глядящего оттуда старика. Но старик – это снаружи, это для других, а для себя всегда тридцать три... Мне это напоминает явление сверхпроводимости: внутри сверхпроводника нет сопротивления, нет диссипации энергии, а значит нет и времени, измеряемого этим процессом. И внутри этого «безвременья» существует «собственная функция» кристаллической решетки, которая описывается корреляцией между удаленными электронами, образующими куперовские пары... И вот еще что очень наглядно: сверхпроводник выталкивает внешнее магнитное поле, оно не может проникнуть в него. Вот так же и «чужое время» выталкивается из области «собственного времени» после тридцати трех лет. Кажется, что потери от этого огромны: все эти компании, разговоры, пирушки, совместные походы и развлечения, все эти «фонтаны голубые и розы красные» молодости. Но ведь и приобретение от этого немало. Человек обретает способность спокойно и без суеты наблюдать движение «пейзажа» жизни за пределами своей «сферы Шварцшильда». Как я сейчас наблюдаю его за окнами машины, которая переносит нас из зимы в осень, из осени снова в зиму. Снег струится и лепится на стеклах, дворники с трудом справляются с его мокрыми разводами. За окном оттепель. За окном все то, что можно описать, пересоздать, перевыдумать. Потому что все это не мое «собственное время». Именно потому, что я остаюсь за «стеклом» своего собственного времени, я могу быть автором. Автор должен быть снаружи своего произведения. Это прекрасно понимал Чехов, говоривший о безразличии к своим героям. Это сформулировал в виде закона Бахтин. Получается, что процесс старения – это вызревание в человеке автора? Впрочем, что тут удивительного? – ведь должен же когда-то проявиться в нас «образ и подобие» главного Автора...

Ветер при нуле градусов пронизывает до костей, особенно когда идешь по снегу в резиновых сапогах. Особенно без теплых носков. Забыл совсем, что мне сын подарил теплые носки к Рождеству. Да, старость крепка задним умом... Глаза слезятся от ветра, но все равно я не могу оторвать их от красок утреннего неба. Взгляд радуется, а ум автоматически выдавливает на мысленную палитру нужные цвета: ультрамарин красный, лазоревую, изумрудную, неаполитанскую желтую и немного краплака темного. И все это конечно в нужной пропорции с белилами. И тогда персиковые облака на зеленоватом небе укроются фиолетовыми тучами и снег подернется фиолетовой патиной, и голые кроны дальних берез смешают в себе ультрамарин красный и умбру, а ели добавят к ним парижской синей. Я смотрю или рисую? - А какая разница? Что это я вчера подумал такого важного и именно в связи с этим?.. А-а, да, да, это мысль об авторе. Но ведь автор и есть художник, причем обязательно художник, потому что видит этот мир эстетически, извне – из своего «собственного времени», которое не совпадает со временем окружающего пейзажа. И когда художник пишет этот пейзаж, он на самом деле создает портрет своего собственного внутреннего времени, свой автопортрет. Любой пейзаж, портрет или натюрморт – это на самом деле автопортрет художника. Это изображение его «собственного времени» красками. А может быть и звуками, а может быть и пластикой танца. Но в последнем я не силен, хотя и уверен, что это общая закономерность. И воздействует искусство на самом деле не красками и мазками, а изображенным временем художника вдруг совпавшим с собственным временем зрителя. И тогда зритель вдруг выпадает из окружающего мира, из его «чужого времени» и оказывается во «времени собственном» и чувствует себя тоже художником, сам не понимая, почему это так происходит. А это происходит всегда и у всех так, как описал Пушкин:

«И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплен моим воображеньем...

...И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут»...

...Или проза, или музыка, или цветные пятна, но «потекут» они в ритме и темпе «собственного времени» автора. Как написал об этом Пастернак:

«В том же темпе, с ленью той
Или с той же быстротой,

Может быть, проходит время?
Может быть, за годом год
Следуют, как снег идет,
Или как слова в поэме?»

Или как мазки краски на холсте... И слова в поэме и мазки, они не есть, и не были – они бывают. Иногда, когда душа пробуждается от морока окружающего мира, когда пробуждается в ней «собственное время», готовое «излиться» на холст или бумагу. Иногда, редко... А у большинства – вообще никогда. Но все же не зря говорят, что к старости человек все больше становится похож на самого себя. Я думаю это оттого, что

в старости человек самой жизнью принужден все чаще попадать в «собственное время». Конечно, оно не такое как у творцов, но ведь и внешний облик большинства стариков далек от того, что греки называют «калагерон». У стариков внутреннее становится внешним, а внешний мир постепенно уходит на задний план сознания. И тогда вдруг оказывается, что ты всю жизнь носил в себе ад, который теперь ты со свойственным старости бесстыдством предъявляешь для обозрения всему миру. Вот тогда и становится «мучительно больно за бесцельно прожитые годы»...

... Утро после ночного приступа стенокардии похоже на утро после пьянки – почти синдром похмелья. Как это говорил Жванецкий: «тело конфликтует с организмом». Чувствуешь себя как кукла-перчатка, из которой вынули руку. А ночью рука была! Но чужая. Как будто кто-то посторонний завладел моим организмом и заставлял сердце работать в несвойственном ему режиме. А сам я будто бы со стороны растерянно и недоуменно следил за тем, что происходит с ним. Вот где действительно «чужое время» - это время болезни. При этом пространство сжимается до размеров постели и уже не верится, что завтра можно будет проверить своими собственными ногами, что мир по-прежнему огромен. Теперь утро заключается в том, чтобы медленно и последовательно вложить собственную руку в куклу своего организма. От простого к сложному, от легкого к трудному: сначала умываться и чистить зубы – это первое и последнее, что нужно для самоидентификации, даже в концлагере, как писал Франкл. Потом обязательная зарядка с внимательным контролем того, как сердце справляется с нагрузкой. Потом получасовая прогулка через снегопад и ветер по чистому белому снегу, выпавшему за ночь. Вот, оказывается откуда стенокардия – это ночной снегопад. Я слышал, как за окнами шумят деревья, но не думал, что это метель. И вот, наконец, я дома пью утренний чай и сажусь за клавиатуру.

Завтра Новый год. Я давно не праздную наступление нового года – встречаю его во сне и сквозь сон слышу далекий грохот пиротехники – радость идиотов. Новый год – это праздник коллективный, радость вседозволенности, когда на одну ночь отменяются табу и приличия. Шампанское, девушки, танцы до утра – всего этого у меня много, но в прошлом. Желанные женщины и верные друзья толпятся за чертой настоящего, не в силах переступить ее. Да, все-таки прошлое радикально отличается от настоящего. Потому что прошлое – это роман, это литература. А настоящее – это набор несвязанных друг с другом случайных событий, куча обыденного мусора, заносимого в нашу жизнь ветром чужого времени:

«Когда б вы знали, из какого сора.
Растут стихи, не ведая стыда»

Только в собственном времени сознания автора этот мусор может превратиться в прекрасную историю. Историю о прошлом. Недаром первые историки – это просто писатели: Геродот, Фукидид, Плутарх и другие, это прежде всего рассказчики, новелисты. Они писали свои романы, а потомки приняли их за научные труды. И с тех пор читающее человечество существует внутри романов, написанных «историками». И еще вопрос, были бы мы людьми без этой литературы? Как это сказал Юрий Живаго у Пастернака: «человек умирает не на улице под забором, а у себя в истории». Хотя бы на самом деле он и умирал на улице под забором, добавлю я от себя. Но что за дело ему

до этого «на самом деле», если он существует в собственном времени своего жизненного романа, своей собственной истории?

Да, к старости человек становится филологом. И давний наивный спор физиков и лириков несомненно разрешается в пользу лириков. Техника создает только инфраструктуру нашей жизни, а литература наполняет ее смыслами. Кому нужна бессмысленная жизнь? Только не тому, кто уже прожил ее и с ужасом оглядывается на прожитое. Вот и яростный заочный спор Дмитрия Быкова с Путиным не имеет большого смысла: Путин создает инфраструктуру России, а Быков наполняет ее литературой. Без этой филологии Россия действительно страшна, а без путинской инфраструктуры России не было бы вовсе...

6

Нет места лучше бассейна утром первого января – здесь почти нет посетителей. Только хмурые злые служители мрачно поглядывают на плавающих – у них тоже вчера был Новый год. Только первого января в бассейне плывешь как в море, гоня перед собой единственную волну по глади воды. Вода в бассейне морская, соленая, что еще больше делает его похожим на море. Я закрываю глаза и плыву, стараясь не шуметь и не плескаться. Я плыву и думаю...

... «Человек живет в истории как в литературе и в литературе как в истории. Пастернак в «Докторе Живаго» говорит, что история в нынешнем ее понимании «основана Христом, что Евангелие есть ее обоснование». А что такое Евангелие с точки зрения литературы? – Это плутовский роман, как говорит Дмитрий Быков. И «Одиссея» – плутовский роман. И «Дон Кихот». И «Фауст» – там Плут разделен на два главных героя. Как и в «Мастере и Маргарите». И вообще похоже, что литература началась именно с плутовского романа. Каждая национальная литература начиналась с такого романа. А почему? – потому что «плут» это личина личности. Я вообще подозреваю, что слово «личность» происходит от слова «личина», маска. Эта маска обращена к обществу, к коллективу, и она призвана скрывать от строго регламентированной коллективной жизни подлинную жизнь личности. Жизнь личности в «собственном времени». Творец всегда одинок и всегда обречен на общественное непонимание, поэтому он вынужден жить в маске, быть плутом. Как Леонардо или Галилей, или Сократ, как Христос во время своего служения. А стоит ему сбросить маску, как его тут же тащат на крест или на костер, как Христа, как Джордано Бруно, как того же Сократа. Плут потому и плут, что живет одновременно в двух временах – в «собственном», где он подлинный, и в «коллективном», где он обречен играть какую-то роль, приемлемую для окружения. Плут – это шпион подлинности в мире условностей. Или можно сказать «шпион прошлого в мире настоящего», потому что прошлое создается писателями в их «собственном времени». Вот почему так мучает проблема времени всех писателей, начиная с Блаженного Августина, который первым заметил, что прошлое существует только в памяти человека, тогда как настоящее окружает его непосредственно. Поэтому тот, кто пишет историю совершает побег из настоящего в свое воображение. Любой писатель пишет историю. Как говорит Вольт у Булгакова: «Я — историк. Сегодня вечером на Патриарших будет интересная история!»

Одиссей – это не только плут, это первый литературный герой, который обладает собственным «Я». До него все герои поступали так, как им указывали боги. И вот появился первый человек, который действует по своему разумению. Поэтому он и плут,

что ему нужно маскировать эту свою способность от остальных людей, прикрываясь маской благочестия. Такое же ложное благочестие разглядели бдительные сограждане и в поведении Сократа. Так что плут – это по обстоятельствам, а по сути это личность. В русской классической литературе такая личность называется «лишним человеком» - это Печорин, Базаров. Вот князь Мышкин – это личность без личины, и она обречена в безличностном обществе. Как обречен Христос в Евангелии. Но человек в любую эпоху дозревает до поисков «собственного времени». Он обнаруживает в себе личность и тогда в нем в очередной раз совершается Воскресение. Вот так к Нему на суд и «плывут столетия из темноты»...

7

Прийдя в церковь, я каждый раз удивляюсь, что снова пришел сюда. С каждым разом привычное пространство все больше изменяется и не в лучшую сторону. Всюду бросается в глаза безвкусица и варварский стиль. И люди все новые, лица мне не интересные. Я утрачиваю сродство с этим местом. Но стоит услышать первый возглас Литургии, произнесенный нашим священником, как моя мизантропия утихает, потому что он остается неизменным в этом меняющемся мире. Я погружаюсь в пространство Литургии, в котором есть и стиль и вкус, заданные веками повторяющимся ритуалом. Потому что Христос тот же и причастие то же, а все остальное «суета и томление духа». Вот наемный патриарх отжал у другого Украину, а тот в ответ оттяпал у этого Западную Европу. Ну а мне то что до этого, глядя на эти игры отсюда, из пространства Литургии? «Суета сует, все суета!», - подсказывает мне Екклесиаст из своей вечности.

Странное это пространство Литургии. В ней человек остается одиноким, когда вокруг толпа людей. Кажется, что должно быть как на какой-нибудь тусовке или митинге, когда толпа становится единым многоголовым животным, копошащимся в теплом месиве близости всех со всеми. Так и происходит в любой секте. А вот в церкви этого нет. Видимо тот способ существования Христа, который доносит до нас читаемое на каждой церковной службе Евангелие, делает невозможным отказ от личности в себе во имя какого угодно блага. Нет личности – нечем обращаться ко Христу. Поэтому Литургия погружает каждого в «собственное время», в котором исчезают чужие и неприятные люди вокруг, но остается только «первый плутовской роман» о Личности. «Бог стал человеком, чтобы человек стал богом», - сказал Афанасий Александрийский. А Юнг догадался, что произошло это после того, как Иов предъявил Богу свои претензии быть личностью. И бог удивился, обнаружив, что есть вещь, которая оказывается неистребимой даже божественным всемогуществом. Бог впервые столкнулся с «мыслящим тростником» Паскаля и захотел испытать каково это быть слабым, но неодолимым. Тогда Он и воплотился в Христа и прожил жизнь как человеческая личность. И вот теперь я слушаю Евангелие во время Литургии и думаю о том, что такое личность:

«Все-таки как ни крути, а христианство – единственная религия, которая основана на личности человека. Это потому, что Бог побывал человеческой личностью. И как бы ни старались цари, папы и императоры использовать церковь для управления толпой, а в толпе, слушающей по воскресеньям Евангелие, обязательно образовывались личности. Личности в христианстве не нужно восставать против своей религии. Атеизм – это недоразумение, это христианство без Христа. Более того, восстание против власти церкви в эпоху Просвещения автоматически стало восстанием против Христа, а значит и против личности. И личностей стали истреблять гильотиной. Кончилось все

«восстанием масс» в XX веке, в котором вообще нет места личностям. Научная революция XVII века – это дело ума верующих христиан от Галилея до Ньютона. Только христианин, воспитанный на том, что если сказать «горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас», только такой ум мог взвалить на себя задачу описать законы мира математически. Они рассматривали мир как Библию, написанную математическими символами. Они ощущали себя творцами «восьмого дня творения». И все потому, что Бог был человеком, и поэтому им можно быть богами. Такого нет ни в мусульманстве, ни в буддизме. Там личность растворяется в Боге или в Нирване, там нет «собственного времени» личности. Там все реалисты: они признают неодолимую реальность мира, которому бесполезно противостоять, но можно только слиться с ним, отказавшись от своей личности. А христиане – виртуалисты: они сохраняют и развивают свою личность вплоть до возможности создавать новые миры. Поэтому современная наука родилась именно в христианской Европе. И не связана ли современная деградация научного мировоззрения в обществе с общей дехристианизацией Европы?»...

8

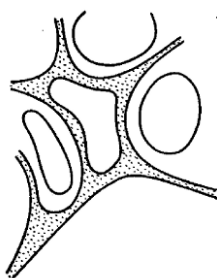
До последнего момента не было понятно доедем ли мы до нашего имения: метель заметала дорогу и в некоторых местах дорога ничем не отличалась от заснеженного поля. Но как красиво! Все деревья в снегу как в сказке «Морозко». Или как во сне... Да, как там говорит Гамлет: «Уснуть и видеть сны». Чем меньше событий в жизни, тем больше их во снах. В старости сны становятся полноценной второй реальностью, которая существует в другом пространстве и другом времени. Что касается времени, то оно течет во сне наоборот – от конца сна к его началу. Об этом писал еще Флоренский. То есть во сне мы выбираем себе одну историю событий из многих возможных историй. Как это происходит в квантовой физике согласно Фейнману. А вот пространство сна – это компактная конструкция из реальных впечатлений от реальных пространств. Оно так же похоже на реальное пространство, как «человечек Пенфилда» похож на реального человека: те же руки, то же тело и голова, но в совершенно искаженных пропорциях. Таков, например, Крым моих снов. Он очень компактный: в нем ялтинская набережная начинается прямо в Никитском ботаническом саду и уже через пару километров упирается в Севастополь, который почему-то окружен рвом и крепостной стеной. Сам ботанический сад начинается сразу от шоссе, по которому ездят троллейбусы в Симферополь, и весь он расположен вдоль тропы, идущей к морю. Она петляет вдоль ручья под сенью гигантских платанов, а устье ручья совпадает с устьем речки, впадающей в море у Ялтинского порта. А метрах в трехстах вверх от набережной уже расположена тропа, идущая вдоль хребта гор, окружающих Ялту. Самое интересное, что весь этот маленький Крым в целостности и неизменности переходит из одного моего сна в другой, то есть обладает чертами воспроизводимой реальности. И в нем я очень хорошо ориентируюсь и легко нахожу дорогу. В нем бывают разные времена года: иногда я с трудом бреду через снежные сугробы и ледяные глыбы, выброшенные морем на берег, а иногда купаюсь в летнем море прямо у набережной. В этом маленьком Крыму обитает мое реальное прошлое, которое становится моим настоящим на время сна. Так реален ли этот Крым? Для меня – безусловно реален.

Я вспомнил об этом повторяющемся сне, когда прочитал книгу Фоменко и Носовского «Христос родился в Крыму. Там же умерла Богородица». С точки зрения реалистов это бред. Но как говорил Пилат: «А что есть истина?» Христос в ответ

молчит, потому что знает, что Бог может сделать «бывшее небывшим» и наоборот, потому что созданный Им мир подчиняется квантовой логике, а не классической, в которой воспитан «пятый прокуратор Иудеи всадник Понтий Пилат». Видимо об этом знает и мой визуальный двойник Глеб Носовский. Вместе с Фоменко он создает параллельную реальность прошлого – мир Хью Эверетта. Этот мир виртуален для тех, кто живет в классическом мире, и реален для тех, кто существует в квантовой реальности. Он реален как реально житие святого, написанное благочестивым монахом, который никогда не видел этого святого, но который делает свою жизнь с этого святого. Собственное время жизни этого монаха бросает отсвет на историю, высвечивая в ней особую житийную реальность. Потому что христианин виртуалист, как и сам Христос, собственное время которого наполнило новым содержанием историю Ветхого Завета. Вот и я виртуалист. Я прочитал книгу Фоменко и Носовского и сразу понял, почему Крым всегда казался мне Святой землей. Я много раз бродил по этой долине возле Чуфут-Кале, по пещерам Успенского монастыря, и вот оказывается, что здесь жила Богородица и здесь она похоронена. А на мысе Фиолент родился Христос и поэтому Крым – это центр мира, что я всегда чувствовал. В этом историческом времени Крым становится тем пространством, каким он пребывает в моих снах – это мое собственное время и мое собственное пространство, в котором мой уродливый «человечек Пенфилда» превращается в «Аполлона Бельведерского». И в этом заключается истина...

Сегодня Сочельник – канун Рождества. За окнами зима, сугробы снега с коркой льда, сквозь которую проваливаешься при каждом шаге, а след сейчас же заполняется талой водой. Я сижу за клавиатурой и смотрю поверх монитора на картину над камином. Это мой Крым: теплая волна набегаёт на пляж, кораблик с надутым парусом, бурые скалы и вершины Ай-Петри вдали. Все это покрыто сажей, но солнечный день на картине остается солнечным днем. Потолок тоже черный от сажи, а от края картины протянулось к стене кружево паутины. И тут я замечаю какое-то движение – это паучок, автор паутинки. Автор! Паутины! Тут моя мысль цепляется за этот образ и уносится прочь от картины, камина, комнаты и дома...

«Вот что такое Рождество – это явление Автора в созданный им мир. А явное присутствие Автора делает мир виртуальным. Мир наполняется чудесами, невозможными в реальном мире. И сам Автор должен существовать в особом пространстве-времени, которое обладает чертами «внезаходимости» по отношению к остальной реальности. Такая своеобразная «паутина», по которой странствует Автор в этом мире. Стоп! Паутина. Ну да, это же «Паутина Арнольда» в фазовом пространстве нелинейных динамических систем! Это когда каждая детерминированная система изображается циклом, описывающим периодическое движение с заданным периодом. Физическая система, заданная точкой на таком цикле, не может сойти с этой траектории, не может «жить» в другом времени. Но между такими циклами находится узкий слой, в котором физическая система может блуждать как броуновская частица и двигаться по нему от бесконечности до бесконечности. Это и есть «Паутина Арнольда»:

Паутина Арнольда

Паутина Арнольда – это и есть образ собственного времени автора, находящегося вне своих жестко заданных героев. Да, это так: собственные времена различных систем не пересекаются, не продолжают друг в друге, но на их границе как раз и возникает область свободы выбора – область «иного времени». Область Паутины Арнольда – это образ абсолютной маргинальности, которую проповедовал и в которой жил Христос. Только из этой области можно «переписывать реальность»: размножать хлебы, ходить по воде и воскрешать мертвых. А в областях детерминированных циклов обитают фарисеи всех времен и народов – благочестивые праведники, обитающие вдали от своего Бога. Это люди кружащиеся в хайдеггеровской Заботе как белка в колесе. Это их изобразил Достоевский в своем Великом Инквизиторе. Христос целует Инквизитора, как свое творение, которое, как могло, так и обустроило реальность. И по-другому не могло ее обустроить, потому что кроме этой реальности оно ничего не знает. Но сам Христос существует в виртуальности «Паутины Арнольда» и поэтому совершенно непостижим для реалистов всех времен и народов. Об этом сказал Достоевский: «Если бы оказалось, что истина находится вне Христа, я бы предпочел остаться с Христом, чем с истиной». Это и есть ответ на вопрос Пилата, который гуляет в вечности со своим узником не по лунному лучу, а по серебрящейся в лунном свете паутине... Вот и ответ на вопрос, который я задал себе две недели назад перед католическим Рождеством. А ответ пришел в канун Рождества православного. Мой рассказ окончен: «Сейчас должно написанное сбыться, Пускай же сбудется оно. Аминь.»

Имение «Ясенева поляна», декабрь 2018 – январь 2019